

МЕТАФОРА И МИФ В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА У. Б. ЙЕЙТСА

Д. А. Холина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 октября 2010 г.

Аннотация: в статье рассматриваются два основных вида поэтической образности: метафора и миф, и анализируются те языковые средства, с помощью которых они реализуются в стихотворениях У. Б. Йейтса. В результате анализа делается вывод о том, что в отличие от сознательно использованного тропа, существующего на лексико-синтаксическом уровне, мифотворчество не является осознанным и предполагает задействование более глубоких когнитивных структур.

Ключевые слова: картина мира, метафора, мифологизирование, мифотворчество, вторичный миф.

Abstract: the article attempts to analyze the language means which represent the two kinds of poetic imagery: the metaphor and the myth. The research shows that while the use of metaphor in Yeats's poetry is conscious, myth creation is intuitive, or unconscious as it involves deeper cognitive structures.

Key words: worldview, metaphor; conscious and unconscious myth creation, secondary myth.

В настоящее время особый интерес для лингвистов представляет изучение авторского языка как средства экспликации внутреннего мира языковой личности. Интерес к тому, что находится в индивидуальном сознании человека, занимающегося словесным творчеством, побуждает специалистов реконструировать языковую картину мира на основе созданных этим автором текстов. Ведь зачастую именно таким людям принадлежит новаторство в использовании языка, в их руках он становится особым инструментом передачи индивидуального мировидения автора. Окружающая действительность особым образом преломляется во внутреннем мире поэта и находит свое отражение в поэтическом языке, при этом происходит своеобразное порождение словом мира действительности [1, с. 4–5].

Данная статья посвящена изучению «возможного мира» ирландского поэта У. Б. Йейтса. Прежде всего стоит сказать, что Йейтс, пожалуй, – самый известный ирландский поэт, внесший огромный вклад в развитие национальной культуры Ирландии, за что в 1923 г. был удостоен Нобелевской премии. С его именем связан целый период в истории страны, именуемый Литературным Возрождением. Йейтс широко использовал национальный фольклор и ирландскую мифологию. Следует, однако, отметить, что «использование фольклора и мифологии» – это не совсем точный термин, так как в сущности мы имеем дело с мифотворчеством, характерным для литературы XX в. [2; 3]. Таким образом, поэтическая картина мира У. Б. Йейтса представляет особый интерес для

исследователя, поскольку в ней представлен своеобразный синтез индивидуально-авторского видения мира и вневременного и внеличного мифологического сознания.

Начнем с того, как мифологическое сознание реализуется в языке и приведем некоторые точки зрения на соотношение мифа и языка. Так, А. А. Потебня считает миф сознательным актом мысли и познания. Ссылаясь на М. Мюллера, он говорит, что «язык есть главное и первообразное орудие мифологии» [4, с. 303]. Миф является совокупностью образа, представления и значения, поэтому его нельзя мыслить вне слова: «Мифология в высшем смысле слова есть власть языка над мыслью во всевозможных областях духовной деятельности...» [4, с. 297]. Специфику мифа определяет нерасчлененность образа и значения. Потебня проводит границу между мифом и поэтическим тропом и говорит о том, что миф заканчивается, а метафора появляется там, где образ и значение осознаются как разнородные [4, с. 299–302].

Р. Барт, рассматривая миф как коммуникативную систему, говорит о том, что миф «надстраивается» над языком, т.е., например, письменный текст является знаком, готовым для построения мифа, который представляет собой «один из способов означивания», некую форму: «Для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается...» [5].

Говоря о мифологизме литературы XX в., Е. М. Мелетинский отмечает, что в основе мифотворчества лежит «бессознательное поэтическое начало» [6, с. 7–8]. В книге «Поэтика мифа» он выделяет сле-

дующие общие свойства мифологического мышления:

- «Невыделенность» человека из мира природы и, соответственно, перенос собственных свойств на природные объекты, приписывание им жизни, чувств, сознательной и целесообразной деятельности; отсюда всеобщая *персонализация в мифах*, а также такие первобытные верования, как анимизм, тотемизм и т.п. Именно об этой черте мифологического мышления мы будем говорить далее.

- Неотчетливое разделение субъекта и объекта, материального и идеального (предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени).

- Слабое развитие абстрактных понятий и, как следствие, элементарно-чувственное восприятие мира.

- Неотделенность логической мысли от эмоциональной сферы.

- Характерная система двоичных признаков, так называемая бинарная оппозиция («жизнь – смерть», «мужское – женское»). Формулирование обобщений и идей (о времени и пространстве, космосе и хаосе, жизни и смерти и т.д.) происходит через наглядные образы действительности [7, с. 164–169].

Е. В. Улыбина, исследуя обыденное сознание, а вместе с ним и мифологическое, соотнося его с бессознательным, также отмечает, что в основе мифического мировидения лежит «слитность, неразделимость частного и общего», что вполне закономерно предполагает невыделенность из мира природы [8, с. 108].

Но не зря Е. М. Мелетинский именует мифы, созданные творческим сознанием XX в., *вторичными* [6, с. 7–8]. Значит, речь идет не только о бессознательном, но и о сознательном результате процесса мифологизации [9].

Изначально нашей рабочей гипотезой являлась мысль о том, что всеобщая персонализация окружающего мира, свойственная мифологическому мышлению, может быть выражена посредством особого вида метафоры – олицетворения. Для того чтобы это подтвердить или опровергнуть, нами были проанализированы 160 примеров, так или иначе отражающих персонализацию, в стихотворениях Йейтса разных лет. Анализ полученного материала выявил следующую картину: собственно метафоры составляют почти половину всех проанализированных примеров. Возникает закономерный вопрос: что же тогда относится ко второй половине? И есть ли смысл говорить о мифологическом мышлении, если мы имеем дело с тропами, т.е., по мнению А. А. Потебни, образ и объект являются разнородными?

Рассмотрим следующие примеры (очевидно, явления разного порядка):

I cried when **the moon was murmuring to the birds**:
'Let **peewit** call and **curlew** cry where they will,
I long for your merry and tender and pitiful words,
For the roads are unending, and there is no place
to my mind.

The Withering of the Boughs
Я вскричал, не дослушав, **что бормотала луна**:
«О, где вы, **кроншнепа** крик и **чибиса** зов?
Мне ваша веселая нежная речь так нужна,
Пути нет конца, и я тяжкую ношу несусь».
«Увядание листьев», (пер. Г. Кружкова)

VS

We too had many pretty toys when young:
A **law indifferent** to blame and praise,
To bribe of threat; habits that made all wrong
Melt down, as it were wax in the sun's rays;
Public opinion ripening for so long
We thought **it would outlive** all future days.

Nineteen Hundred and Nineteen

Игрушек было много и у нас
В дни нашей молодости: **неподкупный**
Закон, общественного мненья глас
И идеал святой и целокупный;
Пред ним любой мятеж, как искра, гас,
И таял всякий умысел преступный.
Из цикла «Тысяча девятьсот девятнадцатый год»
(пер. Г. Кружкова)

Опираясь на рассуждения А. Ф. Лосева о проблемах варьирования литературного языка, мы приходим к мысли, что здесь речь идет о *разных степенях поэтической образности*. Во втором случае мы имеем дело с *метафорами*, в то время как первая группа примеров очень ярко иллюстрирует *миф*. Ведь образы здесь понимаются буквально, реально, субстанциально: «все, феноменально и условно трактованное в аллегории, метафоре и символе, становится в мифе действительностью в буквальном смысле слова, т.е. действительными событиями и во всей своей реальности существующими субстанциями» [10, с. 444].

Постараемся выяснить, что заставляет нас воспринимать миф как нечто реальное. Для этого проанализируем примеры мифа и «не мифа» и посмотрим, чем они различаются, за счет чего образ и значение понимаются как разнородные. Прежде всего обратимся к метафорам. По тому, как осуществляется перенос значения, их можно разделить на следующие группы:

- *стертые метафоры*, содержащие глагол, так или иначе связанный с семантикой движения (14 %): *hopes pass, a weariness comes, all the years have gone by*;
- *метонимия* (23 %): *terrified vague fingers, those banners come to bribe or threaten, mortal hopes*;
- собственно *антропоморфные метафоры*, яв-

ляющиеся наиболее частотными (63 %): *to silence the envy, my rhymes more than their rhyming tell, a law indifferent to blame and praise.*

Анализ тропов, извлеченных нами из стихотворений У. Йейтса, показал, что олицетворение в его лингвопоэтической картине мира может быть представлено сочетаниями: существительное + глагол (в функции подлежащего и сказуемого) и прилагательное + существительное («подлежащее + определение»).

Рассмотрим особенности первого сочетания. Олицетворяемые существительные представляют собой:

- единицы, отражающие мыслительный процесс: *memory, thought, wisdom, mind, hope;*
- эмоции и чувства: *sadness, sorrow, weariness;*
- ценности: *strength, power, truth, beauty;*
- природные стихии и объекты: *flame, Nature, the winds;*
- единицы, имеющие семантику времени: *the years, a time, a new age.*

Нетрудно заметить, что олицетворяемое существительное в большинстве случаев выражает абстрактное понятие (за исключением, пожалуй, только *heart* и *Ireland*, но и здесь акцентируется не материальность, а скорее, абстрактный образ).

Теперь рассмотрим, какие значения присущи глаголам, входящим в состав тропа. По семантическому принципу их можно разделить на группы, обозначающие:

- речевую деятельность (39 %): *to chatter, to praise, to silence, to utter;*
- естественные процессы, относящиеся к жизненному циклу (21 %): *to sleep, to awaken, to die;*
- движение (19 %): *go (by), come, pass;*
- сознательные действия (14 %): *toil, work, guide;*
- желания (7 %): *crave, fancy.*

Нетрудно заметить, что персонализация у Йейтса чаще всего связывается с семантикой говорения; именно «речевая деятельность» является чертой принадлежности к миру живого. Следует также сказать и об особенностях прилагательных, входящих в состав рассматриваемых нами сочетаний. Эти прилагательные, как правило, обозначают:

- черты характера: *arrogant, ambitious, laborious, servile;*
- эмоции и чувства: *bitter, terrified, indifferent, famished, lonely, etc.;*
- жизненный цикл: *mortal, old, sleepless.*

Теперь обратимся к примерам мифа и посмотрим, чем отличаются от метафоры выражения, построенные по сходным моделям. Прежде всего выясним, какие элементы мифологического мира Йейтса олицетворяются чаще всего. Проанализи-

рованные нами единицы распределяются по следующим группам:

- небесные тела: *the Moon, the Sun, the stars;*
- стихии (вода, ветер, земля): *the wind, the sea, river and stream, the tide, the Townland, the world, the earth, the sand;*
- растения и животные: *the chestnut tree, a bird, the fox, the boughs, the wood;*
- абстрактные понятия: *Sorrow, Time, etc.;*
- части света: *North, East, West;*
- строения: *the floor; a dome;*
- времена суток: *the days, the night.*

Нетрудно заметить, что в этом случае чаще одушевляются не абстрактные понятия, а вполне конкретные материальные объекты. Вспомним, что «вещность» восприятия мира является характерным свойством мифологического мышления [7, с. 165].

Некоторые объекты и явления, ввиду их особой роли в мифологической картине мира У. Б. Йейтса, приобретают характер мифологем (особо нагруженные смыслом понятия, обусловленные семантическим единством произведений у художников с ярким мифопоэтическим комплексом). Ими являются такие единицы, как *Time, the Rose, the Wind, the World, Sorrow, Ireland* [9].

Выясним теперь, какие действия приписываются вышеупомянутым материальным объектам. Ими являются:

- действия, связанные с говорением (33 %): *cry, call, say, murmur, shriek...;*
- физические действия/операции с предметами, перемещение в пространстве (19 %): *ride, sail, lie, pluck at the reign...;*
- выражение воли, желания + подчинение чужой воле (17 %): *will, obey, bid, etc.;*
- эмоции и чувства (17 %): *weep, laugh, disdain...;*
- жизненный цикл (7 %): *to die, to awake, etc.;*
- умственная деятельность (7 %): *forget, dream...*

При сравнении групп глаголов, отнесенных нами к метафоре и мифу, мы обращаем внимание на новую, довольно большую группу, связанную с эмоциями и чувствами, приписываемыми материальным объектам, стихиям, растениям и животным и т.д. Кроме того, примеры мифа содержат больше глаголов, выражающих волю, модальность. Иными словами, все вышеперечисленные материальные объекты являются полноправными субъектами, способными думать, действовать, испытывать чувства, выражать свое мнение к окружающему миру, и даже менять его по своему.

Теперь выясним, какие смыслы выражают анализируемые нами прилагательные:

- чувства: *the bitter tide, the happy Townland;*
- качества: *Proud Rose;*

- перемещение в пространстве: *wandering sea, the passing stars, the footfall light of Sorrow*;
- жизненный цикл: *old earth's dreamy youth, the sleepy country, the sleepy hill, the wind is old*;
- поведение/ поступки: *the labouring world, dwindling, late-risen moon*;
- говорение: *the humming sea, the shouting days*;
- внешний облик: *dishevelled stars, the cloak of sorrow*.

По сравнению с метафорой, в данной группе мы наблюдаем не приписывание существительному качеств, присущих человеку, а наделение его способностью чувствовать. Кроме того, наличие причастий настоящего и прошедшего времени (*the labouring world, shouting days*) предполагает не пассивное состояние, а действие, что, опять-таки, созвучно сказанному нами выше: неодушевленные «герои» Йейтса активны, они действуют «по своей воле» (о чем свидетельствуют новые группы, такие как «перемещение», «поведение», «говорение») и даже имеют свойственный человеку внешний облик. (Поскольку миф – это нечто реальное, то описываемый объект реален, а если он реален, то его внешность можно описать.)

Как видно из приведенных выше примеров, несмотря на то, что у нас появились новые семантические группы, отличить миф от метафоры пока еще достаточно сложно, для этого нужно обратиться к анализу особенностей синтаксиса. Необходимо обратить внимание на тот факт, что неодушевленный предмет/явление часто употребляется в роли одушевленного объекта, о чем свидетельствуют:

- использование личных и притяжательных местоимений: *The wandering earth herself; I have told them (the boughs – прим. авт.) my dreams*;
- предложения, построенные по модели SVOD: *we have blamed the wind...*

Последний пример стоит рассмотреть подробнее. Действие *to blame*, глагола с оценочным значением, направлено на *the wind*. Вспомним, что, по словам Н. Д. Арутюновой, «поскольку оценке может быть подвергнуто все «содержимое» мира – люди, предметы, события, качества – глаголы с оценочным значением слабо дифференцированы в своей направленности на объект» [11, с. 137]. Кроме того, такие «герои» Йейтса, как *Sorrow* или *the song*, выступают и в роли косвенных дополнений, являясь обладателями или получателями вещей, адресатами сообщений:

- «for + Noun»: *a boat for Sorrow, I made my song a coat*;
- «of + Noun»: *the cloak/the shoes of Sorrow*;
- «to + Noun»: *the moon was murmuring to the birds*.

Здесь также необходимо отметить использование неодушевленного объекта в атрибутивной функции

со значением принадлежности: *old earth's dreamy youth*.

Как видно из примеров, мы имеем дело с трансформацией стандартного глагольного фрейма, поскольку неодушевленные объекты вступают в отношения, свойственные одушевленному [1, с. 79–87]. Что касается переноса значения, то его, как такового, мы не наблюдаем. Так, в примере «*A law indifferent to blame and praise*» (*Nineteen Hundred and Nineteen*) мы понимаем, что «равнодушие» закона – это метафора, образ и значение здесь изначально разнородны, в то время как во вторичном мифе Йейтса луна, разговаривающая с птицами, является частью созданной им реальности.

Мифологическое тождество образа и значения также очень ярко наблюдается на примере *причинно-следственных отношений внутри предложения*:

The boughs have withered **because** I have told **them** my dreams.

Нет, не от ветра увяли листья в лесу.

От снов моих, которые я рассказал.

«Увядание листьев» (пер. Г. Кружкова)

Хотя «увядание» – не результат «рассказанных снов», именно в данной ситуации одно является следствием другого.

Рассмотрев примеры метафоры и мифа в лингво-поэтической картине мира У. Б. Йейтса, мы пришли к выводу о том, что, с точки зрения семантики, мифологическая персонализация носит более конкретный, вещественный характер, в то время как антропоморфная метафора в «возможном мире» Йейтса – более абстрактный, обобщенный характер. Однако если при рассмотрении олицетворения мы можем ограничиться исследованием лексико-синтаксического уровня языка, то при изучении качественно иной степени поэтической образности – мифа – перенос значения отсутствует, о чем свидетельствует четко прослеживаемая тенденция к использованию неодушевленного объекта или явления в синтаксических структурах, указывающих на одушевленность субъекта или объекта. Следовательно, необходимо обращение к более детальному и глубокому изучению структуры предложения и его семантики, что позволит подробнее рассмотреть всю сложную систему отношений, в которую включаются персонализированные объекты и явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлова И. Ю. Динамическая картина мира И. Бродского : лингвистический аспект / И. Ю. Самойлова. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 191 с.
2. Кружков Г. М. Великое колесо возвращений / Г. М. Кружков. Режим доступа: <http://www.stosvet.net/union/Kruzhkov/yeats.html>

3. *Соболева К. А.* Фольклорное и мифологическое в английской литературной традиции XX века (Дж. Р. Р. Толкин, У. Б. Йейтс) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Соболева. – М. : МГУ, 2005.

4. *Потебня А. А.* Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. ; СПб : АCADEMIA, 2003. – 373 с.

5. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 615 с.

6. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе : учеб. пособие / Е. М. Мелетинский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 167 с.

7. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Вост. лит., 2000. – 406 с.

8. *Улыбина Е. В.* Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М. : Смысл, 2001. – 263 с.

9. *Приходько В. С.* Мифопоэтический аспект ранней лирики У. Б. Йейтса (1889–1899 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / В. С. Приходько. – Ростов н/Д, 2005. – 262 с.

10. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф : труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 479 с.

11. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 382 с.

ИСТОЧНИКИ

12. *Йейтс У. Б.* Плавание в Византию : стихотворения / У. Б. Йейтс. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 300 с. Текст парал.: англ., рус.

13. The Collected Poems of W.B. Yeats – Wordsworth Editions Limited, 2008.

Воронежский государственный университет

Холина Д. А., аспирантка кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета РГФ

E-mail: dariakhol@yandex.ru

Voronezh State University

Kholina D. A., Post-graduate Student, Department of Translatology and Cross-Cultural Communication

E-mail: dariakhol@yandex.ru